

Мой первый семинар

О. М. ХУДАВЕРДЯН

Это не воспоминания про Березина. Это воспоминание о чувствах и эмоциях, которые вызывали в нас, молодых людях, наши Учители математики.

1977 год, осень. Мой научный руководитель (в просторечии – “шеф”), Альберт Соломонович Шварц, наказал мне по четвергам в семь часов вечера ходить на мехмат МГУ на семинары Березина.

Я начал ходить на первый в моей жизни настоящий научный семинар, и ходил регулярно вплоть до его исчезновения, когда погиб Березин. Мне, конечно, очень повезло, что первый в моей жизни научный семинар оказался одним из самых качественных семинаров на которые мне привелось ходить.

На семинарах, если не выступали звезды, народу было мало, человек десять–двенадцать. Неизменные Б.Л. Воронов и А.Е. Шабад за первой партией, М.С. Маринов, А.С. Шварц, который иногда притворялся спящим и “просыпался” в самый неудобный для докладчика момент, ученики Березина и Шварца и еще кто-нибудь. (Эти “кто-нибудь” часто были очень известные математики и физики, я просто их тогда не знал.)

Я мало что понимал на этих семинарах, иногда почти ничего, и как, не зная иностранного языка, смотришь фильм, большую часть семинара я просто внимательно всматривался в лицо докладчика и его оппонента. (Очень часто одним из них был Ф.А.) Что действительно удавалось, это запоминать, характерные жесты и движения, а иногда и математические фразы. А потом вдруг понимать смысл этих фраз. Иногда это происходило через много лет. Как здорово, когда через много лет озаряет тебя воспоминание многолетней давности – жест ли это, короткое предложение, все как бы наяву, и мигом наступает просветление, все становится понятным. Потрясающе ощущать на себе вневременное продолжение действия личности.

Один пример. – Уже вышли работы Салама и Страдти в которых физики физикам же, ничтоже сумняшеся, объясняли, что такое суперпространство, уже молодые теоретики беззаботно оперировали с суперобъектами, как будто бы этому их учили с детства, а Феликс

Александрович, настоящий создатель этой науки, упорно сопротивляясь кажущейся легкости “супер” терминологии, отказывался произносить такие невинные для меня слова как “точка в суперпространстве”.

До сих пор перед глазами его “Я не понимаю, что такое точка... Вот грасманова оболочка это... ¹.” Потом еще много лет я, учась, доходил своим умом до ответов на эти вопросы. Березинский пессимизм, его реплики на эту тему, регулярно выплывая в сознании, подспудно двигали меня вперед.

Через десять-одиннадцать лет, я в моей первой загранкомандировке в Женевском университете. Ко мне подходит один уважаемый человек — физик, про которого я много слышал. Мне задаются вопросы, кто я, откуда. Я, в первый раз на Западе, мало что понимаю, волнуясь (людям моего поколения легко понять мое состояние). Когда выясняется, что я ученик Шварца и два года ходил на семинары Березина, мне заявляют: “Значит, вы знаете, что такое суперпространство, что такое точки в суперпространстве! Пожалуйста, прочтите нам лекцию на эту тему...” Я, как мог прочел лекцию, потом еще одну—было видно, что мною довольны. Кто был автором этой лекции? Я, мой учитель Шварц, Березин или весь его семинар? Тридцать лет, до сих пор я ощущаю на себе влияние этих семинаров. До сих пор в пылу спора, когда кажется что все аргументы исчерпаны, я использую запрещенное оружие, произнося: “Так говорил Березин...”

И еще несколько зарисовок.

Спускаюсь в лифте с мехмата. Дорога длинная. В лифте много людей—человек десять, среди них Шварц и Березин. Диалог:

Ф.А.: “Алик, вчера я в лифте застрял. Свет отключили, пришлось в темноте долго стоять.”

А.С.: “Так ты занимался бы.”

¹Замечание вбок: Мне кажется термин, “суперматематика” неудачным. Этот термин родился в пору эйфории физиков по поводу концепции суперсимметрий — действительно удачного термина. Любой формуле, в которой маленькие буквы в индексах заменялись большими и ставился фактор (-1) в какой-нибудь степени, торжественно приписывалась приставка “супер”. “Анализ с антикоммутирующими переменными”— вот как называется книга Березина, выпедшая в свет уже после его гибели.

Ф.А.: “Так я тебе говорю свет отключили! Темно же было.”

А.С.: “Ну и что, что темно. В темноте даже лучше заниматься.”

Мы с Альбертом Соломоновичем занимаемся у него дома на Каширке. Лето, семинаров нет. Альберт Соломонович просит меня оказать ему любезность, послать из почтамта, что рядом с нашим студенческим общежитием в МИФИ, одну книгу Березину на его домашний адрес. Я, молодой, горячий, спрашиваю шефа: “Альберт Соломонович, а почему нельзя понести эту книгу ему просто домой?” По моей тогдашней логике намного естественнее было пересечь пол-Москвы и отдать книгу из рук в руки, чем доверяться почте. К тому же очень заманчиво было воспользоваться этим поводом увидеть Березина дома... В итоге я поехал к Березину домой и, уже не помню деталей, на минутку другую оказался в комнате в его квартире. Как перед глазами—большой овальный стол, за столом сидит его ученик, на громадном столе, книги, тетради, бумаги и больше ничего. Это осталось у меня в жизни идеалом письменного стола. Даже жену пытаюсь в этом убедить...

Надо сказать, что Березина я видел всегда только в рабочем состоянии, думающем, говорящем о математике. Мне не пришлось увидеть домашнего выражения, расслабленной улыбки на его лице.

Как-то Борис Леонидович Воронов пришел на семинар с букетом цветов. Букет спрятан на последней парте. Приходит Березин, семинар начинается. Разные сюжеты рождаются в голове. Вот сейчас кого-нибудь будут поздравлять с днем рождения, а может быть Феликса Александровича, и, наконец-то, я увижу немного “расстегнутого” Березина. Не пришлось. Семинар закончился, Борис Леонидович с букетом цветов куда-то уходит...

Как-то на семинаре Березин сказал: “Нет, статью так не публикуют. Вот если она полежит в письменном столе некоторое время, может быть год, отлежится, нужно снова к ней возвратиться и тогда можно подумать о публикации.” (За точность слов не ручаюсь.)

Работая вот уже около десяти лет на Западе, я часто вспоминаю эту фразу Березина.

...

У семинаров Березина была высокая эмоциональная компонента.— Нет, никто не произносил красивых слов. Но после этих семинаров я был, как правило, переполнен энергией (не обязательно математической).

Иногда, возвращаясь с семинара Березина к себе в общежитие на Каширку, я выходил на пересадочной станции “Проспект Маркса”, звонил с Центрального Телеграфа (К9) родителям в Ереван, после этого шел в кафе “Космос” (оно располагалось напротив почтамта, если кто еще помнит) и делал сам себе царский подарок: заказывал у официантки порцию мороженого и сто граммов шампанского; почему-то это стоило ровно один рубль. Потом я раскрывал записки семинара, или просто делал какие-нибудь вычисления, или просто думал о чем-то красивом. Помню, что мне было очень хорошо, чувствовал я себя окрыленным, переполненным чувствами. Как-то, когда я пребывал в такой нирване, ко мне подошла симпатичная девушка и с неповторимой интонацией спросила меня: “Вы поэт?...” Никогда в жизни я не ходил в кафе таким странным образом. Так это и осталось — после семинаров Березина...

Эмоции, сохранившиеся во мне от Березиновского семинара до сих пор помогают мне жить и заниматься, и чувствовать такое прекрасное искусство—математику.